

Отзыв официального оппонента
 о диссертации **Емельянова Евгения Павловича**,
 представленной к соисканию ученой степени кандидата исторических наук
 (специальность 07.00.09 – историография, источниковедение
 и методы исторического исследования)
 на тему: «Творческий путь Н.В. Устюгова в контексте развития
 советской исторической науки» (Екатеринбург, 2016)

Чем дальше уходят в прошлое эпохи раннего и позднего сталинизма, тем настоятельнее историографы пытаются осмыслить и распознать феномен советской науки, начало становления и существенная часть развития которой пришлось на это время. Интерес к историографической ситуации довоенного, военного и послевоенного времени выражен появлением уже довольно большого числа специальных исследований, появившихся в конце XX-первые десятилетия XXI вв., предметом которых стало научное сообщество и судьбы его представителей – ученых-историков. Естественно, автор диссертации прекрасно осведомлен об основных трудах по этому поводу.

Рецензируемую диссертацию можно рассматривать и как часть данного историографического процесса, и, одновременно, как некий промежуточный итог, демонстрирующий не только резюмирующие акценты состояния историографии данного времени, но и открывающий еще не реализованные историографические возможности изучения актуальной эпохи в исторической науке. В частности, сохраняет свое значение вопрос, каким образом представители российской культуры и науки, начинавшие свое формирование на основе дореволюционного интеллектуального наследия, переживали сложное время идеологических репрессий, пытаясь при этом оставаться верными принципам научности в своей деятельности.

Автор диссертации в контексте указанного времени создает образ одного из замечательнейших представителей советской исторической науки – ученого Николая Владимировича Устюгова, находящегося на сегодняшний день в пространстве историографического полубытья. Для историков Урала это имя особо значимо. И не только фактом его уральского происхождения. По своим научным интересам он многим из нас близок тематикой, связанной с процессами освоения/колонизации Уральского региона XVII-XVIII вв. Наступает любопытный момент «возвращения» к Устюгову: весьма полезно не только понять его идеи, но и переосмыслить их с учетом возможностей современной науки.

Нельзя не признать, что защищаемая диссертация является первой попыткой создания целостного образа Н.В. Устюгова, творческая жизнь и научная деятельность которого пришлось на 1920-е–начало 1960-х гг. – время драматических и изнурительных для социума в целом и в частности – научного сообщества – политико-идеологических трансформаций. Автор диссертации, опираясь на генерационный подход, вполне обоснованно причисляет героя своего исследования к первому поколению ученых, закладывавших основы советской исторической науки. В дробной структуре этого поколения Н.В. Устюгов предстает в диссертации представителем той его части, которая сумела сохранить преемственность научных принципов и идей дореволюционной историографии, но и была вынуждена адаптироваться к вызовам переживаемых российским

обществом политических и социокультурных перемен, заложенных постреволюционной эпохой.

Не вызывает сомнения вполне обоснованная актуализация изучения научной биографии Устюгова. Историографический обзор и весь контекст диссертационной работы убеждает в том, что до ее появления личность историка и его деятельность были представлены фрагментарно и фактически для современного научного сообщества оставались в пространстве *terra incognita*. Изучение творческого пути историка не только вывело из тени историографического забвения фигуру Устюгова, но и позволило пролить свет на историю разработки советскими учеными важнейших аспектов полузабытой уже исторической проблематики, к которой был причастен и герой данного исследования.

Изучение творческого пути Н.В. Устюгова структурируется в диссертации с учетом двух основных моментов: периодизации научной биографии историка и основных тематических блоков исследований, разрабатывавшихся им в течение научной деятельности. Подобный подход не вызывает принципиальных возражений. Автору удалось раскрыть все основные стороны научной деятельности историка, выявить приоритетную проблематику его исследований, детально и тщательно представить историографический анализ его трудов. Е.П. Емельянов явно искал специфические для историографического исследования методы интерпретационного анализа трудов историка. Была опасность «завязнуть» в простом описании/пересказе содержания его научных произведений, когда автор со всей добросовестностью обращался к детальному и тщательному разбору текстов работ Н.В. Устюгова – как опубликованных, так и рукописных. Полагаю, что диссертанту удалось найти пути выхода из этой методической и методологической опасности, нередко свойственной работам по проблемной историографии. Он осуществляет свой анализ с учетом общего научного контекста состояния советской исторической науки и специфики разрабатываемой Устюговым проблематики. Одновременно автора диссертации интересует процесс эволюции его концептуальных идей и способов достижения им точности в освещении изучаемых явлений в рамках того теоретико-методологического подхода, на который он опирался. Естественно, что с учетом особенностей изучаемого периода жизни и деятельности Н.В. Устюгова, когда историческая наука использовалась властью для достижения своих идеологических задач, автор скрупулезно отслеживает характер вызовов власти и реакцию на это научного сообщества.

В диссертации (более всего в ее 2-ой главе) детально реконструируется процесс адаптации научной среды к запросам и конвенциям власти. Одновременно автор сосредоточивает внимание на особенностях позиции Устюгова, который последовательно стремился выйти из многочисленных дискуссионных перипетий, ориентированных на политико-идеологический заказ власти, с наименьшими потерями для своих концептуальных версий. Последовательно рассматривая процессы разработки, обсуждения и переработки различных редакций научных текстов при создании коллективных трудов, например, многострадальных «Очерков по истории Башкирии/Башкирской АССР» или «Очерков истории СССР. Период феодализма XVII в.», автор пытается раскрыть и механизмы идеологического манипулирования, и позицию историков, дискутирующих по спорной проблематике, и индивидуальную линию поведения Устюгова,

выраженную вынужденными изменениями первоначально высказанных концепций и идей. Детально анализируя развернувшиеся страсти вокруг воззрений Устюгова, автор диссертации раскрывает характерные для науки изучаемого времени полемические ситуации. Диссертант показывает, как в пылу дискуссионного обсуждения содержания создаваемого коллективного труда «Очерки по истории Башкирии» его оппонентами была сделана попытка отмежеваться от ряда его концептуальных идей, в частности, объявить его концепцию «свободного вассалитета» выражением исключительно «личного мнения» Устюгова, а не всего коллектива (с. 137). Этот пассаж дает пищу для размышлений по поводу того, как формировался феномен коллективного творчества в советской науке. Подобные сюжеты созданы Е.П. Емельяновым на основе сравнительного анализа научных текстов разного происхождения – принадлежащих как самому Устюгову, так и/или его оппонентам. Избранная методика сравнения текстов источников историографической природы и позволила автору диссертации избежать, в конечном итоге, описательности, а на основе сравнительного текстологического анализа воссоздать динамичную картину историко-научной истории, в контексте которой фигура Устюгова предстает как деятельное начало в изучении целого комплекса проблем российской истории XVII-XVIII вв.

Именно с учетом выработанного историографического подхода нельзя не поддержать автора в его попытках тщательного изучения не только опубликованных трудов историка, но и тех его произведений, которые по тем или иным причинам не были опубликованы. Он убедительно продемонстрировал тот факт, что особенности научного процесса сталинского времени, связанного с длительной работой ученых-историков над научными текстами в условиях идеологического контроля и самоцензуры, а также быстрой смены идеологических приоритетов власти, приводили к тому, что публикация научных результатов либо затягивалась на долгое время, либо не осуществлялась вовсе. Поэтому раскрыть особенности творческого процесса историка было бы невозможно без обращения к его рукописям, отложившимся в архивных фондах (прежде всего в личном фонде Н.В. Устюгова в АРАН).

Скрупулезный сравнительно-текстологический анализ рукописей и опубликованных научных текстов, примененный соискателем, несомненно, следует отнести к категории историографически ориентированного метода, позволившего раскрыть процесс трансформаций взглядов историка на проблемы, являвшиеся в то время приоритетными в науке и находившиеся в центре его внимания. Характерен пример изучения формирования взглядов Устюгова на причины и характер башкирских восстаний XVII в. (с. 117-125). Диссертант, положив в основу статью Устюгова о башкирском восстании 1662-1664 гг., опубликованную в 1947 г., тщательно исследовал ее содержание, используя рукописи историка на эту же тему, созданные еще в 1939-1946 годах. Он установил, каким образом в более позднем варианте статьи происходили процессы обогащения ее содержания за счет открытия и использования не вводившихся еще архивных документов, что вызвало появление новых акцентов в концептуальной части его построений. Автор диссертации делает, в частности, интересное наблюдение о новом, в сравнении с прежними попытками, обосновании Устюговым причин принесения башкирами «повинных»: ими стали не правительственные обещания льгот, как можно было бы предположить, а разочарование повстанцев в возможностях предполагаемых

«сюзеренов» — калмыков и «кучумовичей» — оказать реальное военно-политическое сопротивление Московскому государству. Среди новых подходов Устюгова, считает автор, стали и его попытки четко развести причины и поводы башкирских восстаний XVII-XVIII вв., определить социальный состав башкирских повстанцев, движущие силы, уровень развития социальных отношений в среде башкир, историческое значение башкирских восстаний в контексте освоения Россией своих восточных окраин. Наконец, как показывает соискатель, в 1947 г. Устюгову удалось осуществить первую публикацию по истории давно им изучаемого движения и выдвинуть положения своей знаменитой концепции «свободного вассалитета», положительно воспринятой за рубежом благодаря исследованиям французского историка Р. Портала. Е.П. Емельянов приходит к выводу, что своей статьей о восстании 1662-1664 гг. Устюгов внес «значительный вклад в отечественную историческую науку» (с. 124). Обращение к оценкам этой статьи, высказанным Р. Порталем, убеждает в правильности вывода автора, о прямом влиянии его идей и на зарубежную историографию 1940-х гг.

Сравнительный анализ текстов рецензентов и материалов дискуссий при обсуждении второй редакции «Очерков по истории Башкирии» стал также важным инструментом соискателя, позволившим раскрыть специфику организации работы советских историков над коллективными проектами в условиях жесткого политического пресса. Автору удалось также раскрыть способы получения от ученых-историков тех научных текстов, которые соответствовали быстро менявшимся идеологическим тактикам власти. Для создания целостной картины этих процессов Е.П. Емельянов подвергает аналитической реконструкции процедуры экспертного рецензирования, организацию специальных научных сессий, сопровождавшихся дебатами историков, сопоставляет выступления Устюгова и его оппонентов, акцентируя внимание на его разногласиях с позицией целого ряда башкирских историков, раскрывает попытки Устюгова отстоять свою концептуальную линию (с. 128-139 и далее).

Не заявляя специально, автор фактически создает свой исследовательский текст в традициях, близких методам повседневной истории, а где-то приближается к микроанализу. Следует подчеркнуть, что детальное восстановление всех перипетий, связанных, в частности, с историей создания «Очерков», достигает эффекта «плотного (насыщенного) описания», вошедшего в исследовательскую практику историков в качестве специфического метода, предложенного известным американским историком-антропологом К. Гирцем. Отмечу, что автору диссертации впервые в историографической практике удалось выявить и максимально полно подвергнуть интерпретации информационный ресурс о деятельности не только главного героя диссертации — Н.В. Устюгова, но в соответствии с заявленным ракурсом работы представить широкий научный и историко-политический контекст развития советской науки.

Исходные авторские принципы рассмотрения творческого пути Устюгова определили для соискателя стратегию изучения всех аспектов его научных интересов и результатов деятельности. Опыт разработки Устюговым учебных курсов по вспомогательным историческим дисциплинам, а также проблем русской истории XVII в. детально изучены соискателем в 3-ей главе данной диссертации. В этом контексте Устюгов предстает и как видный зачинатель советского источниковедения, и как лидер в изучении социально-экономической истории

России XVII века. Представленные аспекты деятельности и разрабатываемая проблематика ученого, пришедшиеся на последний период его жизни (1945-1963), актуализируются Е.П. Емельяновым обращением к вопросам о формировании его научной школы и создании им концепции раннего генезиса капитализма в России. Со свойственной автору скрупулезностью он не только раскрывает детальную картину творческой жизни Устюгова в рамках этих интересов, но и пытается дифференцированно определить степень влияния официальной идеологии на совокупность интересовавших его научных проблем.

Стремясь определить роль и значение Устюгова в развитии советской исторической науки, диссертант убедительно представил фигуру историка как личности, обладавшей коммуникативной способностью не разделять эпохи (дореволюционную и советскую) в науке, а соединять их в едином потоке развития национальной историографии. Эта осознанно выстроенная Устюговым и реконструируемая соискателем логика «творческого пути историка» дала возможность наметить его специфическое место в пространстве исторической науки изучаемого времени как «связующего звена» между «старой школой» и советской генерацией историков, что автор специально подчеркнул в Заключение своей работы.

Высоко оценивая научный потенциал рецензируемой диссертации, сделаю ряд основных замечаний в ее адрес.

1. Отмечу, прежде всего, факт существенного перевеса в данном исследовании эмпирического материала над теоретико-методологическими наблюдениями и обобщениями. Еще на стадии презентации методологических основ исследования Е.П. Емельянов несколько упрощенно, на мой взгляд, дает авторскую мотивацию и обоснование своей методологии. Это заметно и в специальном разделе «Методология и методы исследования» Введения (с. 22-23), и в резюмирующих частях диссертации. Остановлюсь на сюжете из Введения. Автор несколько широко формулирует особенности исследования, заявляя, что работа выполнена в «жанре интеллектуальной биографии», не разъясняя при этом вкладываемого в него смысла и ограничиваясь несколько туманным пояснением, что этот жанр сочетает в себе «черты исследования интеллектуальной истории и научной биографии» (с. 23). Сославшись лишь на одну работу в виде материалов научной конференции (автор – П.А. Алипов), апеллирующую к обоснованию жанра интеллектуальной биографии, он прошел мимо других интереснейших идей, имеющих прямое отношение к обоснованию типологии жанра рассматриваемой диссертации. Имеются в виду исторически сложившиеся на рубеже XX-XXI вв. подходы, нацеленные на конструирование жанровых моделей исторических и историографических исследований, обращенных к изучению личности человека. В научных работах Джованни Леви, Жака Ле Гоффа, Л.П. Репиной, Т.Н. Поповой и многих других представлен богатый опыт теоретических обоснований и индивидуальных практик обращения к биографическим изысканиям, выполненным в традициях таких, например, направлений историографии и интеллектуальной истории как «контекстуальная биография», «новая биографическая история», «персональная история», «биоисториография». Соискатель для

обоснования темы и названия диссертации дополнительно вводит понятие «творческий путь ученого» (с. 4), однако он не сделал попытки связать его с жанровыми особенностями диссертации, и не подвел под это понятие какой-либо его теоретической основы. По сути, Е.П. Емельянов, на мой взгляд, четко не обосновал и на теоретическом уровне глубоко не осмыслил жанровую принадлежность своей работы.

2. Не вызывает полного удовлетворения и характер описания методов исследования. Несколько разочаровывает факт отсутствия специального методологического сюжета о понятийном аппарате диссертации. Простой перечень ординарных принципов и методов (с. 23), обосновывающих авторские подходы, практически не оттеняет *историографического характера* заявленного исследования. Между тем, для практики современных историографических исследований весьма актуально звучит проблема внятно выраженной рефлексии относительно смысла и содержания собственно историографических методов и способов их применения. И ведь автору было что обосновывать: репертуар обработки эмпирического материала в виде текстов научных произведений Н.В. Устюгова, а также работ его оппонентов, рецензентов, учеников весьма представлен. Скромно упомянутый как периферийный по своему значению «метод текстологического анализа» (с. 23) должен был занять центральное место и получить внушительную теоретическую характеристику и обоснование в качестве историографического метода. Кроме того, соискатель не обратил внимания на новейшие тенденции в современных подходах к пониманию и обоснованию одного из базовых понятий в историографии – «историографического источника». Между тем, он не только использует это понятие в источниковедческой части Введения, но и вводит в научный оборот большой комплекс такого рода источников. Однако автор прошел мимо новейших исследований С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой, обосновывающих его смысловое наполнение (см., в частности: раздел «Источниковедение историографии» учебного пособия «Источниковедение» (М.: Высшая школа экономики, 2015)), породившее выработку историографических принципов и методов исследования. В указанном труде, который хотя и выполнен как учебное пособие, заложена попытка теоретического обоснования особенностей научной и социальной природы «историографических источников» и их происхождения как результата целеполагающих установок и мотиваций их создателей. Хотя можно полемизировать с авторами по поводу теоретического обоснования в данном издании дефиниции «историографический источник», но нельзя не оценить их стремления заложить теоретико-методологические принципы в понимание смысла таких историографических феноменов как тексты научных произведений историков. Знакомство диссертанта с методами и подходами указанных авторов в сфере источниковедческого и историографического анализа научных трудов историков, на мой взгляд, существенно обогатило бы методологическую сферу диссертации.
3. Создание образа Н.В. Устюгова как ученого-историка и определение значения творчества и конкретных его идей, как это вытекает из общего

контекста рецензируемой диссертации, являлось важной задачей автора, хотя она не была специально сформулирована в соответствующей постановочной методологической части Введения (см. с. 16). Несомненно, автору в целом удалось решить эту многосложную задачу. Еще раз подчеркну, что благодаря данной диссертации Н.В. Устюгов обрел свое историческое место в национальном историографическом наследии. Вместе с тем, вероятно, остались еще лакуны в его научной биографии, требующие дальнейшего изучения. Жаль, например, что автор диссертации, затрагивая тему значения научного творчества Устюгова для отечественной историографии, специально не определил и не сформулировал более четко и предметно характер и значение его личностной и научной индивидуальности для науки. Автор ограничился слишком общими фразами о том, что он своими идеями внес «значительный вклад» в советскую и отечественную историческую науку (с. 124, 157), а его концепции, хотя и не «утвердились в советской историографии», но «сыграли большую роль в развитии отечественной исторической науки» (с. 269). Очевидно, что для более основательного установления факта значимости научных идей ученого необходимо обратиться к вопросу о долговременности их бытования в науке. На протяжении всего знакомства с текстом диссертации я задавалась вопросом о том, как складывалась судьба научных идей Н.В. Устюгова после ухода его из жизни. Автор, к сожалению, жестко придерживаясь хронологических рамок работы, не попытался уловить влияние идей историка в долговременной перспективе. А ведь для получения историографического знания актуально звучат вопросы относительно того, каким образом в современной науке решаются проблемы, разрабатывавшиеся когда-то историком. Сохраняют ли актуальность сегодня в какой-либо форме такие аспекты истории как, например, башкирские восстания, проблемы «генезиса капитализма в России»? Требуется ли современное переосмысление идей Устюгова и если «да», то вызрели ли соответствующие методологические подходы, позволяющие непротиворечиво понять исторические процессы, волновавшие когда-то советских историков?

4. Один из сюжетов диссертации касается научной школы Н.В. Устюгова. См.: гл. 3, 3-1: «Возникновение научной школы Н.В. Устюгова и его работа в области вспомогательных исторических дисциплин». Схоларный компонент творчества историка соискатель наиболее компактно размещает в контексте его преподавательской деятельности в стенах МГИАИ в связи с его разработкой вспомогательных исторических дисциплин, а также – созданием им научного студенческого кружка (с. 205-207). Вместе с тем в общем тексте диссертации автор не единожды апеллирует к именам его учеников, показывая неразрывную связь историка со своими учениками на протяжении всей его научной деятельности. Ясно, что тематика их исследований часто напрямую была связана с разрабатываемыми им научными проблемами. Обращу внимание на то, что в перечне задач нет прямой заявки на изучение его школы. Соискатель поставил более скромную задачу – дать «анализ влияния работ Н.В. Устюгова на его

учеников и коллег». Вместе с тем в Заключении он замечает, что концепция Устюгова относительно раннего генезиса капитализма вызвала «широкую дискуссию о возникновении капиталистического уклада в России, в которой позиции Устюгова отстаивали его ученики» (с. 269). Это резюме несколько «зависает в воздухе», поскольку в основной части диссертации автор специально не подвергал дифференциации научные интересы его учеников и ничего не сообщал об их позициях в связи с дискуссией о генезисе капитализма в России. Да и сама эта дискуссия развернулась, фактически, после смерти историка. Затронув проблему научной школы Н.В. Устюгова, Е.П. Емельянов, к сожалению, не предпринял попыток определить сущностные признаки и специфические черты этого схоларного явления, он лишь наметил абрис научной школы историка. Более же основательное ее изучение, видимо, еще впереди.

Подведу итоги. Сделанные замечания отнюдь не умаляют значимости рецензируемой диссертации для современной историографии и биографистики. Ее несомненным достоинством является попытка создать портрет историка, которая завершилась исследованием конкретно-исторической картины деятельности Н.В. Устюгова как незаурядной личности и историка, представленной в плотном контексте его современности. Автор профессионально освоил все пласты источниковой информации, он владеет ясным видением научного пространства, в котором протекала творческая жизнь его героя и современников, обладает логикой исторического и историографического исследования, владеет основными историко-научными методами и имеет солидную практику осуществления научно-исследовательской деятельности.

Безусловно, диссертация Е.П. Емельянова «Творческий путь Н.В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки» соответствует п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Диссертация отвечает квалификационным требованиям ВАК РФ, предъявляемым к соискателям ученой степени кандидата исторических наук. Полагаю, что Евгений Павлович Емельянов вполне заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Наталия Николаевна Алеврас, д.и.н., профессор, профессор
кафедры история России и зарубежных стран
Челябинского государственного университета

Н.Н. Алеврас

454084, г. Челябинск, просп. Победы, 162 в, ауд. 112.

Телефон: +7(351)7997015

e-mail: vhist@mail.ru

Евгений Павлович Емельянов

